

Индекс УДК 930

Код ГРНТИ 03.23.55

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-120-01-108-124

А.И. ДОМНИН*

Операция «Багратион»: картографический след

Весной-летом 1944 г. при подготовке Белорусской стратегической наступательной операции советское командование осуществило комплекс маскирующих и дезинформационных мероприятий. Общим результатом этих действий стала тотальная дезинформированность врага о готовящемся мощнейшем ударе на центральном участке советско-германского фронта. Этот факт был подробно освещён в воспоминаниях военачальников и в солидных трудах историков. Однако до сих пор не было уделено должного внимания такому важному источнику, как картографическое материалы, под которыми прежде всего следует подразумевать штабные карты, готовившиеся во время военных действий. Основными источниками для данной статьи стали немецкие карты, на которых, помимо положения германских войск, отображались соединения и объединения Красной армии такими, какими их видели в германских штабах. Для соотношения с реальной обстановкой представлены также советские фронтовые карты. Данный материал в своей совокупности — яркое свидетельство эффективной деятельности советских органов разведки по дезинформации противника и реализации фронтовым командованием на высочайшем уровне маскировки ударных группировок.

Ключевые слова: военные карты, ошибки германской разведки, маскировка войск, оценка сил, операция «Багратион»

Белорусская стратегическая наступательная операция — самый крупный разгром немцев во Второй мировой войне. Удары наносились по сходящимся направлениям, с тем чтобы, прежде всего, согласно основному правилу военного искусства, уничтожить силы и средства противника. Освобождение территорий здесь было вторич-

ным. Но именно благодаря эффективно-му достижению первичной цели стало возможным очистить от врага обширные земли: Белоруссию, юг Прибалтики и часть Польши.

Основные составляющие грандиозного успеха Красной армии — строжайший режим секретности и комплекс мероприятий по дезинформации противника,

* **Домнин Артём Игоревич** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра по изучению истории Великой Отечественной войны Института российской истории РАН.
E-mail: hartwood@yandex.ru

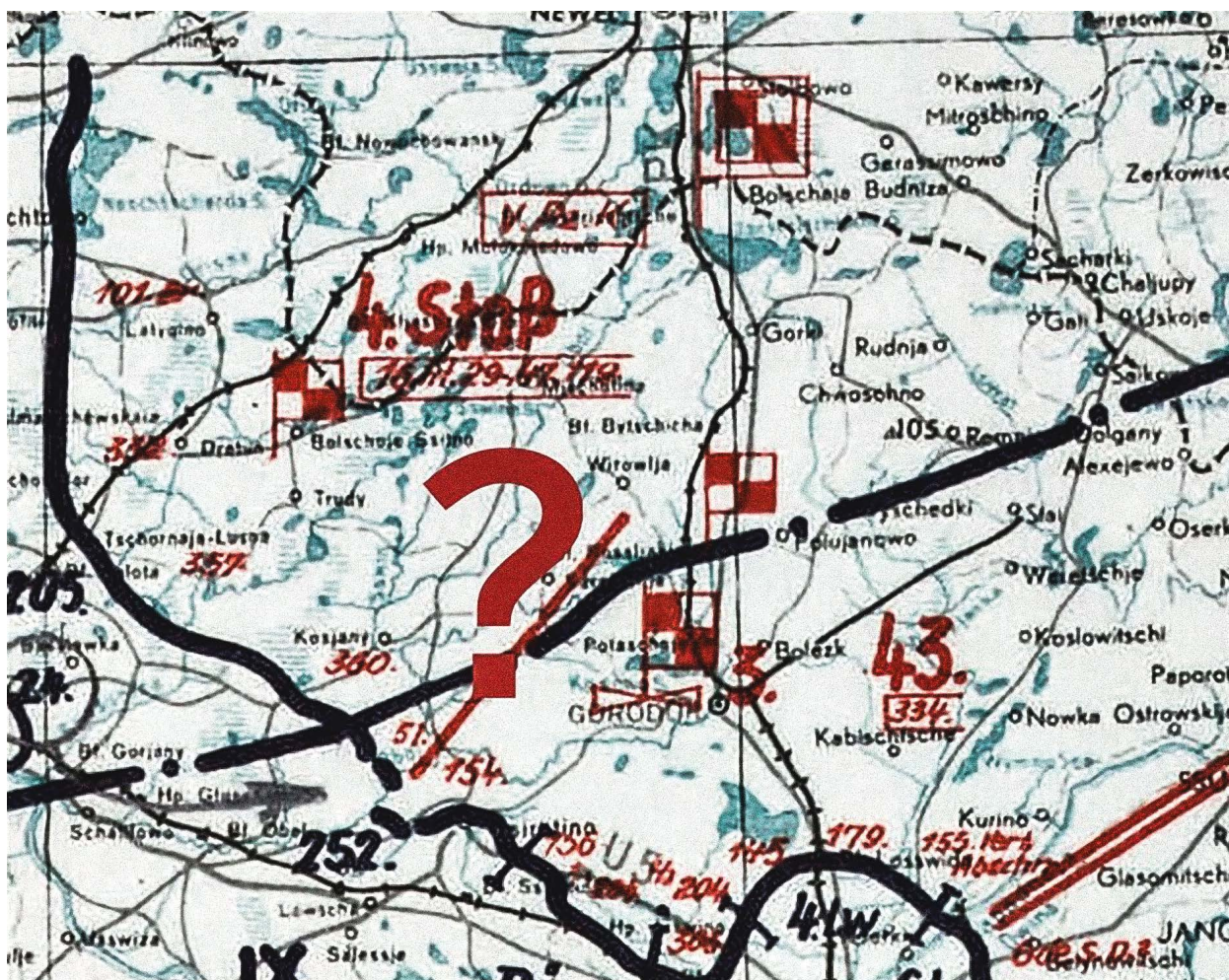

Ил. 1. Фрагмент карты оперативного управления Генерального штаба сухопутных войск (ОКХ) Германии на 23.06.1944 г.

не подозревавшего о месте и масштабах готовившегося удара, а также о появлении в составе советских фронтов, огибавших «белорусский балкон», мощных подвижных сил. Как видели в германских штабах группировки 1-го Прибалтийского, 3-го, 2-го и 1-го Белорусских фронтов и как менялась оценка этих сил в первую неделю боёв, рассказывают немецкие карты, отражаю-

щие обстановку на фронте группы армий «Центр» в последний день оперативной паузы и в период первых фронтовых операций «Багратиона».

Ниже представлен крупный фрагмент карты оперативного управления генерального штаба сухопутных войск вермахта на территорию центрального участка советско-германского фронта от 23 июня 1944 г.

Ил. 2. Фрагмент карты оперативного отдела штаба группы армий «Центр» от 21.06.1944. Вопросительным знаком отмечено место расположения 6-й гвардейской армии

(ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12457(1). Д. 1092.) (ил. 1), когда начался разгром наиболее боеспособной группировки немцев.

Наш обзор начнём с расположения 1-го Прибалтийского фронта и далее будем двигаться на юг к правому крылу 1-го Белорусского фронта, вступившего в бои на день позже остальных оперативно-стратегических объединений.

На карте группы армий «Центр» (ил. 2) от 21 июня 1944 г.¹ отсутствует 6-я гвардейская армия генерал-лейтенанта И.М. Чистякова. 1-й Прибалтийский фронт в глазах немецкого командования состоял всего

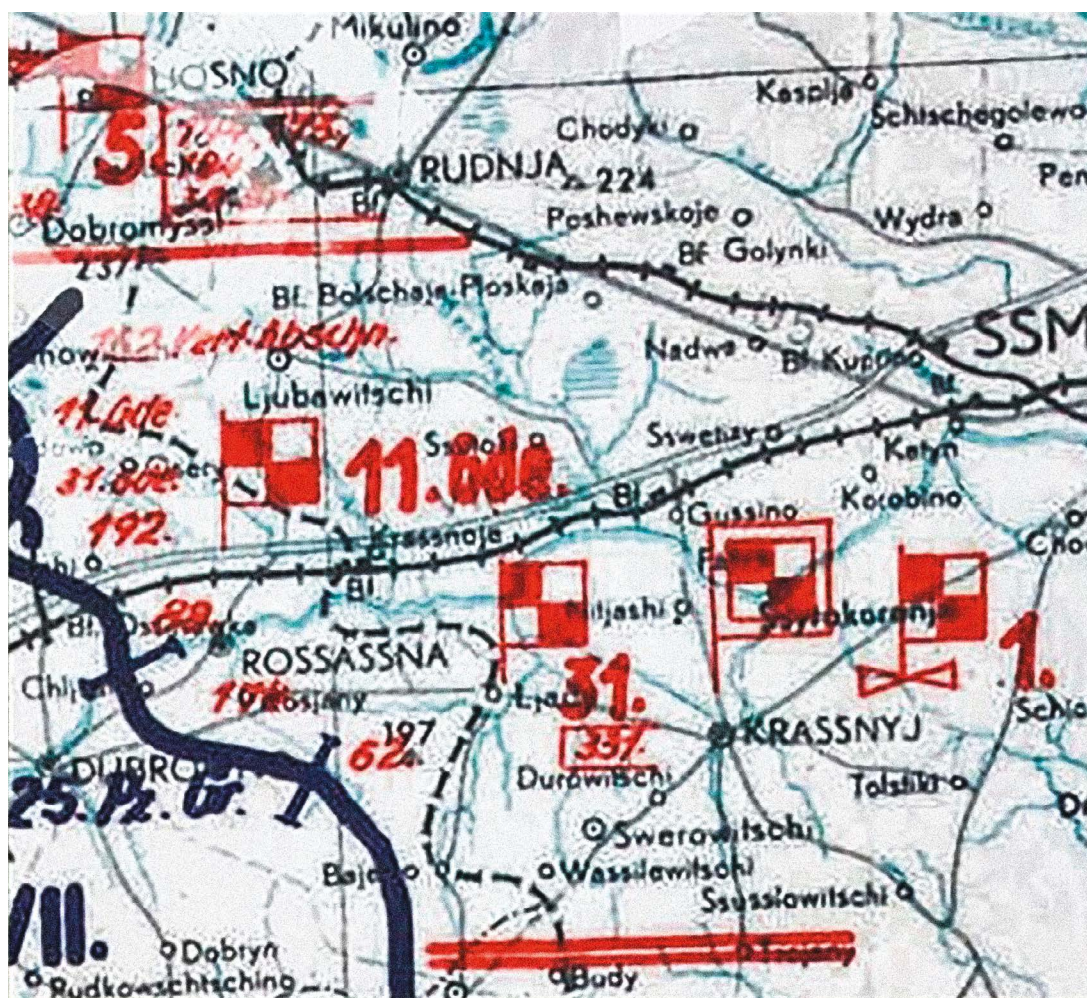
из двух сухопутных армий: 4-й ударной и 43-й. На датированной 21 июня 1944 г. карте оперативного управления ОКХ² 6-я гвардейская армия обозначена на левом фланге 2-го Прибалтийского фронта.

В действительности войска генерал-лейтенанта И.М. Чистякова были переданы фронту И.Х. Баграмяна ещё в начале февраля 1944 г., но оставались в прежнем районе дислокации около четырёх месяцев. Штаб гвардейского объединения обозначен, например, на «отчётной карте обстановки войск 2-го Прибалтийского фронта» за период 1–4 июня 1944 г.³ Переброска войск

¹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12455. Д. 1702.

² Там же. Оп. 12457(1). Д. 1092.

³ ЦАМО. Ф. 239. Оп. 2224. Д. 813.

Ил. 3. Фрагмент карты оперативного отдела штаба группы армий «Центр» от 21.06.1944 г. с правильно обозначенными советскими общевойсковыми армиями

осуществлялась в режиме строжайшей секретности. Иван Михайлович Чистяков вспоминал: «Итак, за три-четыре ночи нам предстояло пройти 110 километров и встать в тыл 154-й стрелковой дивизии 22-й армии¹, причём скрытно не только от противника, но и от войск 154-й дивизии»[1]. Командование 6-й гвардейской армии при этом выполняло роль «комиссии по проверке обороноспособности полков дивизии»².

В расположении 4-й ударной армии на карте группы армий «Центр»

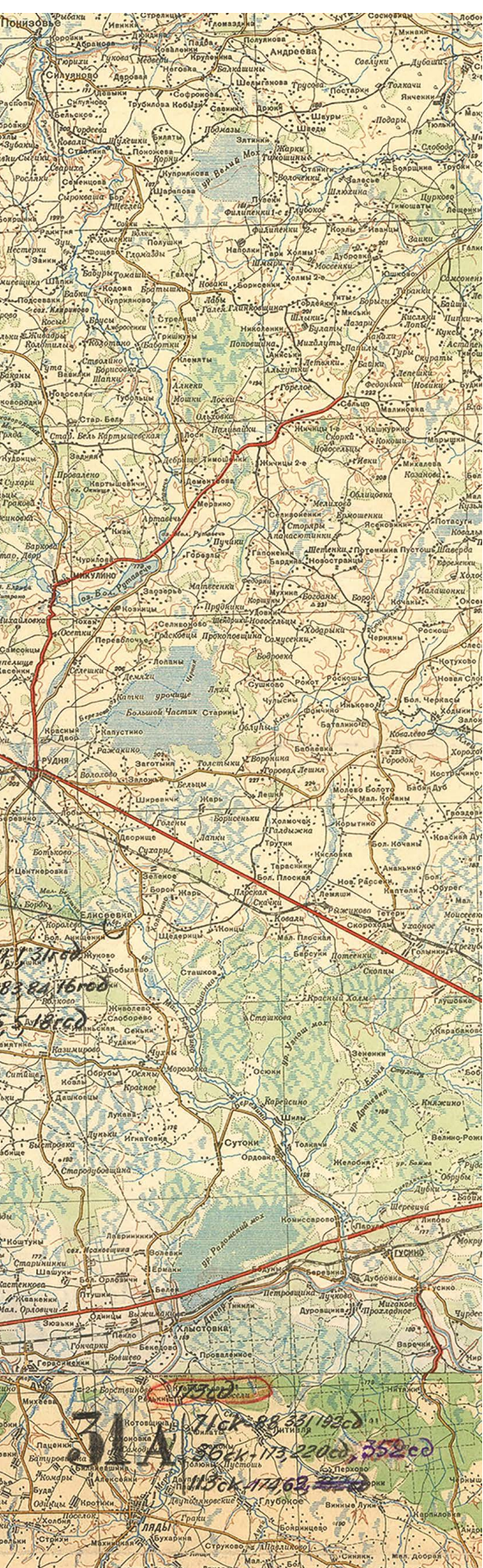
от 21 июня 1944 г.³ обозначен 5-й танковый корпус. Информация о дислокации данного крупного подвижного соединения также seriously устарела. В состав оперативно-стратегического объединения И.Х. Баграмяна корпус входил до 2 апреля 1944 г., после чего был подчинён 2-му Прибалтийскому фронту. Здесь следует отметить, что даже во время неудачной Витебской операции (3 февраля – 13 марта 1944 г.) он был задействован лишь частично, а в полном составе на витебском направлении последний раз находился в начале января,

¹ И.М. Чистяков допустил неточность: 154-я стрелковая дивизия до начала июня была подчинена 43-й армии, затем — 6-й гвардейской, но находилась в составе 22-го гвардейского стрелкового корпуса.

² ЦАМО. Ф. 239. Оп. 2224. Д. 813.

³ ЦАМО. Ф. 500. 12455. Д. 1702.

Ил. 4. Фрагмент карты войск 3-го Белорусского фронта по состоянию на утро 23.06.1944 г.

после чего перешёл на правый фланг фронта. Вероятно, за 5-й танковый корпус, передислокация которого во 2-й Прибалтийский фронт осталась противником незамеченной, был принят только что прибывший из резерва Ставки Верховного Главнокомандования 1-й танковый корпус генерал-лейтенанта В.В. Буткова.

Менее эффективно от врага удалось скрыть 11-ю гвардейскую армию 3-го Белорусского фронта. На карте ОКХ¹ мы видим, что противник обнаружил присутствие некоего объединения, идентифицировав его как гвардейское. Более того — эта неизвестная армия обозначена уже 17 июня². Командовавший 11-й гвардейской армией генерал К.Н. Галицкий в своих военных мемуарах даёт развёрнутое описание комплекса мероприятий по скрытной переброске войск на расстояние 250–300 км. Однако в непосредственной близости от линии соприкосновения с противником местность «почти полностью была лишена лесов». «Это значило, что войскам предстояло двигаться чуть ли не на виду у противника. Ведь отсюда было не более 30–40 км до линии фронта, и вражеская авиаразведка легко могла обнаружить нас», — разъясняет К.Н. Галицкий [2].

Как видно на картах генерального штаба Сухопутных войск вермахта, «вражеская авиаразведка» всё же зафиксировала скопления советских войск. Если же обратиться к карте группы армий «Центр» за 21 июня³ (ил. 3), здесь перед нами предстанет любопытное обстоятельство: все общевойсковые армии генерал-полковника И.Д. Черняховского идентифицированы и расположены в чётком соответствии с действительностью. Практически идентично представлено оперативное положение войск фронта на соответствующей советской карте⁴ (ил. 4), отражающей обстановку на утро 23 июня. В связи с этим напрашивается предположение, что в оперативном отделе группы армий «Центр» более актуальная информация нанесена позже, хотя и в тот же день. Однако изучение карт генерального штаба Сухопутных войск вермахта за последующие периоды делает это предположение несостоятельным, что будет рассмотрено ниже.

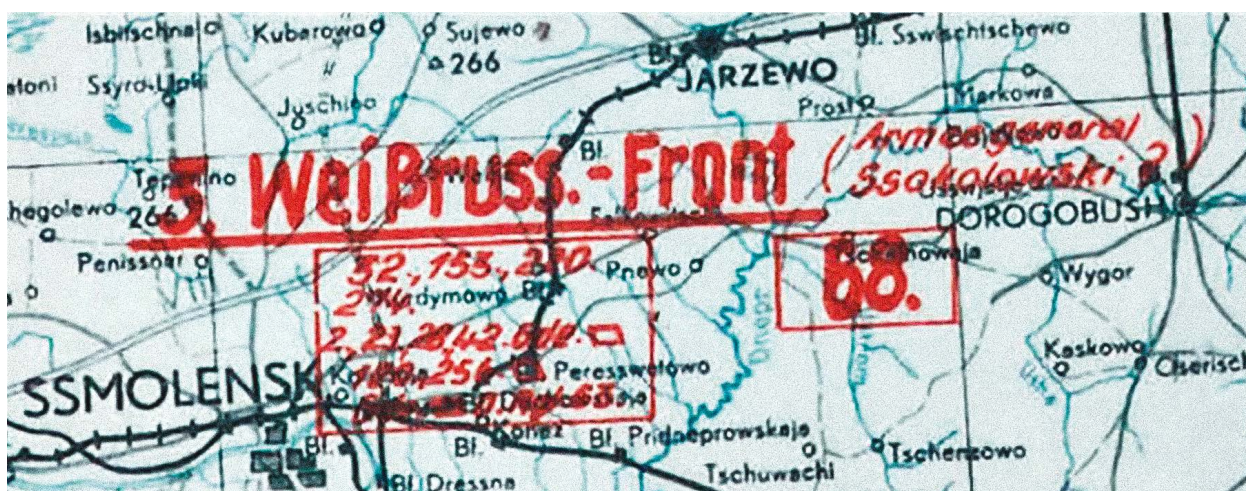
Ход событий Витебско-Оршанской операции показал, что обнаружение армии К.Н. Галицкого не имело отрицательных последствий, так как умело были зама-

¹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12457(1). Д. 1092.

² Там же. Оп. 12455. Д. 1701

³ Там же. Д. 1702.

⁴ ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 323.

Ил. 5. Фрагмент карты оперативного отдела штаба группы армий «Центр» от 21.06.1944 г.
Обозначена несуществующая с осени 1943 г. 68-я армия, а командующим
3-м Белорусским фронтом вместо И.Д. Черняховского указан В.Д. Соколовский

скированы танковые и механизированные силы, а также кавалерийские соединения. Как известно, оперативно-стратегическое объединение генерала И.Д. Черняховского имело мощнейшие среди всех задействованных на первом этапе операции «Багратион» фронтов подвижные силы. Скрыть 5-ю гвардейскую танковую армию советскому командованию было несложно: на карте, отражающей боевые действия конно-механизированной группы (генерала Н.С. Осликовского) за период с 23 июня по 10 июля 1944 г. мы видим, что исходные позиции двух корпусов маршала бронетанковых войск П.А. Ротмистрова располагались в Смоленской области в районе Катыни. Однако у переднего края дислоцировались 2-й гвардейский танковый и 3-й гвардейский механизированный корпуса, которые враг также не заметил. На картах ОКХ и группы армий «Центр» в расположении 3-го Белорусского фронта не обозначено ни одного крупного подвижного соединения.

При изучении советской карты¹ можно заметить небрежность исполнителя: 3-й гвардейский механизированный корпус обозначен как «3 мк» без «гвардейского».

В действительности 3-й механизированный корпус ещё осенью 1943 г. за заслуги в боях получил наименование «8-й гвардейский механизированный». На картах наносилось обозначение несуществующего соединения, но командование фронта, по всей видимости, не придавало значения таким нюансам.

В районе Смоленска на карте группы армий «Центр»² отображена 68-я армия (ил. 5). Данное объединение принимало участие в освобождении Смоленской области осенью 1943 г. и в ноябре было расформировано. Это, как видно, осталось незамеченным немецкой разведкой. Между тем все соединения упразднённой армии были задействованы в операции «Багратион». Управления стрелковых корпусов к 23 июня 1944 г. находились в 49-й (69-й и 81-й ск) и 5-й армиях 2-го и 3-го Белорусских фронтов соответственно. Стрелковые дивизии — в 31-й, 39-й, 49-й и 5-й армиях. Три дивизии оказались в составе 31-й армии генерала В.В. Глаголева, наступавшей на левом фланге И.Д. Черняховского.

Важно отметить, что прибытие в командование фронтом этого военачальника немцы не заметили, поскольку на карте

¹ ЦАМО. Ф. 332. Оп. 4948. Д. 116.

² ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12455. Д. 1702.

значится «генерал армии Соколовский»¹. Характерно, что упразднение Западного фронта (24 апреля 1944 г.), которым до 14 апреля 1944 г. командовал Василий Данилович Соколовский, и появление 3-го Белорусского фронта на немецких картах отобразились только 30 мая².

2-й Белорусский фронт, сформированный 24 апреля 1944 г. из трёх левофланговых армий упразднённого Западного фронта одновременно с 3-м Белорусским фронтом, в отличие от последнего, отмечался на немецких картах уже с 10 мая³. Как видно, до 10 мая противник обозначал 33-ю армию в центре фронта, а 49-ю — на его правом фланге. Командующим вплоть до окончания первого этапа Белорусской стратегической операции указывался «генерал-oberст Курочкин»⁴. Этот военачальник действительно командовал 2-м Белорусским фронтом, но — первого формирования. Под руководством генерал-полковника Павла Алексеевича Курочкина была проведена неудачная Полесская операция, во время которой противнику удалось деблокировать Ковель — один из крупнейших железнодорожных узлов Европы. Фронт был расформирован и воссоздан далеко на востоке, а командующий заменён. Но прежде, чем данное оперативно-стратегическое объединение возглавил генерал Г.Ф. Захаров, командовал фронтом И.Е. Петров (которого в начале марта 1944 г. понизили до звания генерал-полковника).

Интерес представляет оценка противником состава армий 2-го Белорусского фронта. Фланговые объединения — 33-я и 50-я армии, которыми командовали генерал-лейтенанты В.Д. Крюченкин и И.В. Болдин соответственно, на карте группы армий

«Центр» имели по семь стрелковых дивизий⁵, а центральная 49-я армия генерал-лейтенанта И.Т. Гришина — всего пять. Командующий фронтом, состоящим из трёх армий, не мог усиливать фланги, оставляя слабым центр. Как известно, во время крупных операций Ставка в любой момент могла перенести линию разграничения между фронтами, и фланговая армия в полном составе вместе со всеми средствами усиления оказывалась в составе соседнего оперативно-стратегического объединения.

Обратимся к карте оперативного положения войск 2-го Белорусского фронта на 22 июня 1944 г.⁶ (ил. 6). Генерал-полковник Г.Ф. Захаров закономерно собрал мощнейшую ударную группировку в центральной 49-й армии, насытив её едва ли не всеми артиллерийскими, бронетанковыми и механизированными частями фронтового усиления. В 33-й армии таких не имелось, а 50-й армии достались всего два самоходно-артиллерийских полка, одна истребительно-противотанковая бригада и один корпусной пушечный артиллерийский полк. Напомним, что 33-я армия уже 5 июля была передана в состав соседнего 3-го Белорусского фронта.

Немецкая разведка не обнаружила в составе 2-го Белорусского фронта воздушной армии. В расположении остальных фронтов мы видим чётко идентифицированные 3-ю, 1-ю, 16-ю и 6-ю воздушные армии⁷. Последние две были подчинены 1-му Белорусскому фронту, но 2-й Белорусский, согласно немецким картам, на момент начала операции «Багратион» сколь-нибудь крупных воздушных сил не имел. Между тем незамеченной осталась 4-я воздушная армия К.А. Вершинина, героя крупнейших воздушных сражений над Кубанью.

¹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12455. Д. 1702.

² Там же. Оп. 12457(1). Д. 1069., Д. 1070.

³ Там же. Д. 1049., Д. 1050.

⁴ Там же. Оп. 12455. Д. 1702.

⁵ Там же.

⁶ ЦАМО. Ф. 46. Оп. 2394. Д. 869.

⁷ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12455. Д. 1702.

В составе правого крыла 1-го Белорусского фронта германская разведка не обнаружила войска 28-й армии. На отчётной карте, отражающей положение правого крыла 1-го Белорусского фронта, видно, что штаб армии генерал-лейтенанта А.А. Лучинского находился в непосредственной близости от штаба 65-й армии генерал-лейтенанта П.А. Батова¹ (ил. 7). На соответствующей карте группы армий «Центр» на месте дислокации штаба объединения генерала А.А. Лучинского отмечены только дивизии 65-й и 61-й армий. Скрыть от врага армию, действовавшую до конца марта 1944 г. в составе 3-го Украинского фронта, удалось благодаря комплексу маскировочных мероприятий по её передислокации в юго-восточную Белоруссию. Генерал С.И. Руденко, командовавший 16-й воздушной армией, вспоминал: «...с большой высоты практически исключалась возможность обнаружения войск, тщательно укрытых в лесах. Опытные экипажи систематически облётывали районы расположения своих частей, визуально просматривали и фотографировали коммуникации, пункты выгрузки. Если обнаруживались демаскирующие признаки, штаб фронта добивался немедленного их устранения» [3]. Немецкие карты свидетельствуют, что операция по скрытной передислокации 28-й армии на юго-восток Белоруссии в мае–июне 1944 г. была проведена успешно.

Нанесение генералом К.К. Рокоссовским (получившим после успешно проведённой Бобруйской операции звание Маршала Советского Союза) «двух главных ударов» предусматривало ввод в бой крупных танковых соединений и конно-механизированной группы. Мощные подвижные силы, наличие которых свидетельствовало о готовящейся наступательной операции на большую глубину, немецкая

разведка не отметила (ил. 8). Командованию фронта удалось скрыть 1-й гвардейский и 9-й танковые корпуса, а также 1-й механизированный корпус. Более того, местность, где в бой вводился 1-й гвардейский танковый корпус, на германских картах была помечена условным знаком «непроходимые болота».

Карты оперативного управления генерального штаба Сухопутных войск и оперативного отдела штаба группы армий «Центр» за период проведения Витебско-Оршанской, Могилёвской и Бобруйской операций свидетельствуют, что противник сравнительно долго оставался в неведении относительно состава советских фронтов, подвижных сил и, следовательно, о масштабе начавшейся операции (ил. 9).

Только на второй день боёв в полосе наступления 1-го Прибалтийского фронта противник идентифицировал 6-ю гвардейскую армию². 25 июня был обнаружен 1-й танковый корпус В.В. Буткова³. В составе 3-го Белорусского фронта 24 июня немцы обозначили «8-й танковый корпус», который был расформирован ещё осенью 1942 г., а его последним командиром являлся именно Василий Васильевич Бутков. На карте генерального штаба ОКХ от 27 июня обозначены четыре танковых корпуса (далее — тк), из которых два — 2-й гвардейский и 3-й гвардейский (входивший в 5-ю гвардейскую танковую армию) действительно оперировали в данном районе. Остальные подвижные соединения были идентифицированы неверно: здесь отмечены несуществующий 8-й тк и располагавшийся в 500 км севернее 5-й тк⁴. Изучение отчётной карты 3-го Белорусского фронта приводит к выводу, что за 8-й танковый корпус был принят 29-й тк, однако сложнее определить, какое соединение действовало значительно западнее — там, где противник отметил 5-й

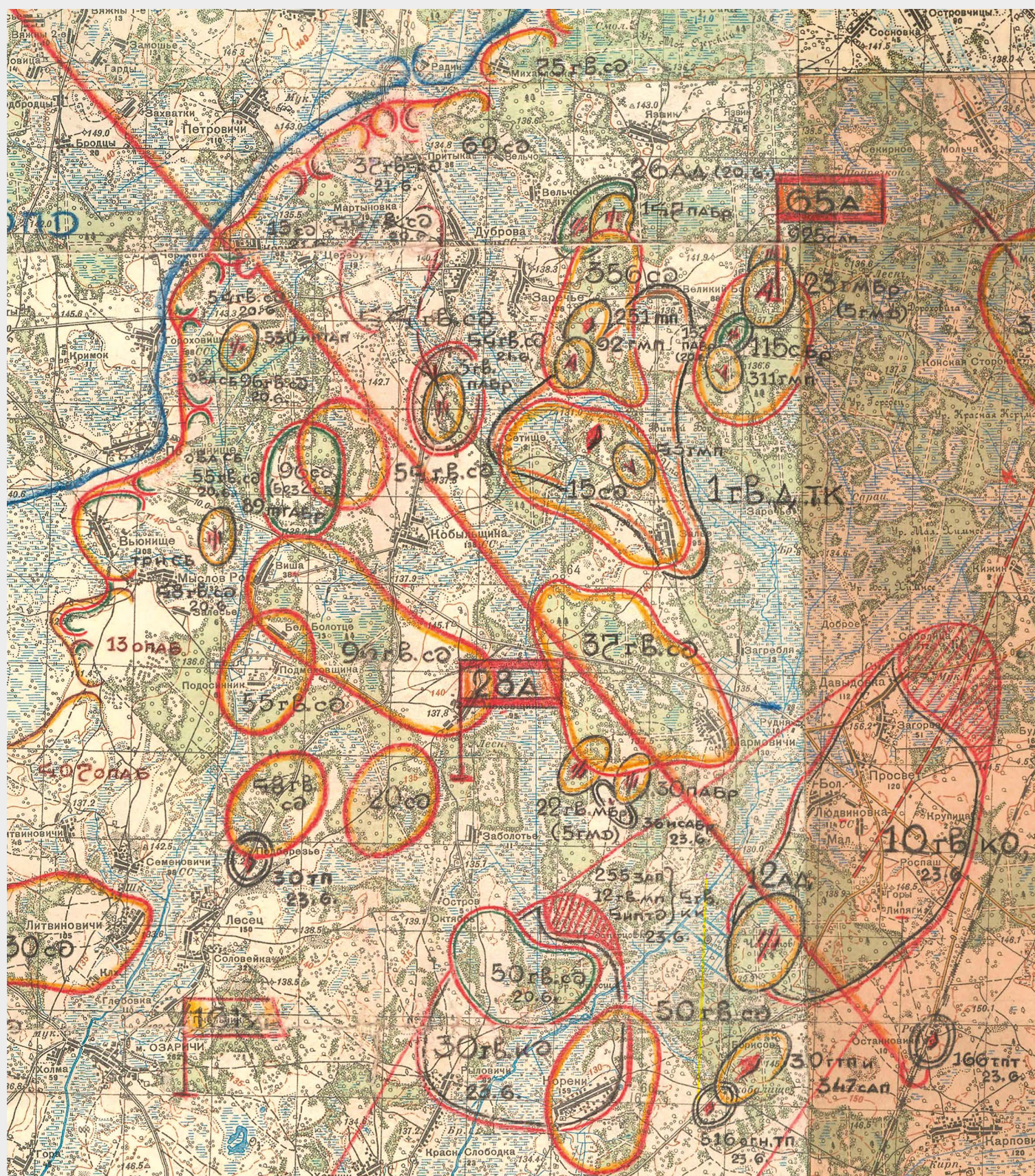
¹ ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 268.

² ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12457(1). Д. 1095.

³ Там же. Д. 1096.

⁴ Там же. Д. 1098.

Ил. 7. Фрагмент отчётной карты правого крыла 1-го Белорусского фронта за 19–23.06.1944 г.

Ил. 8. Фрагмент карты оперативного отдела штаба группы армий «Центр» за 21.06.1944 г.
1-й гвардейский, 9-й танковый и 1-й механизированный корпус не обозначены

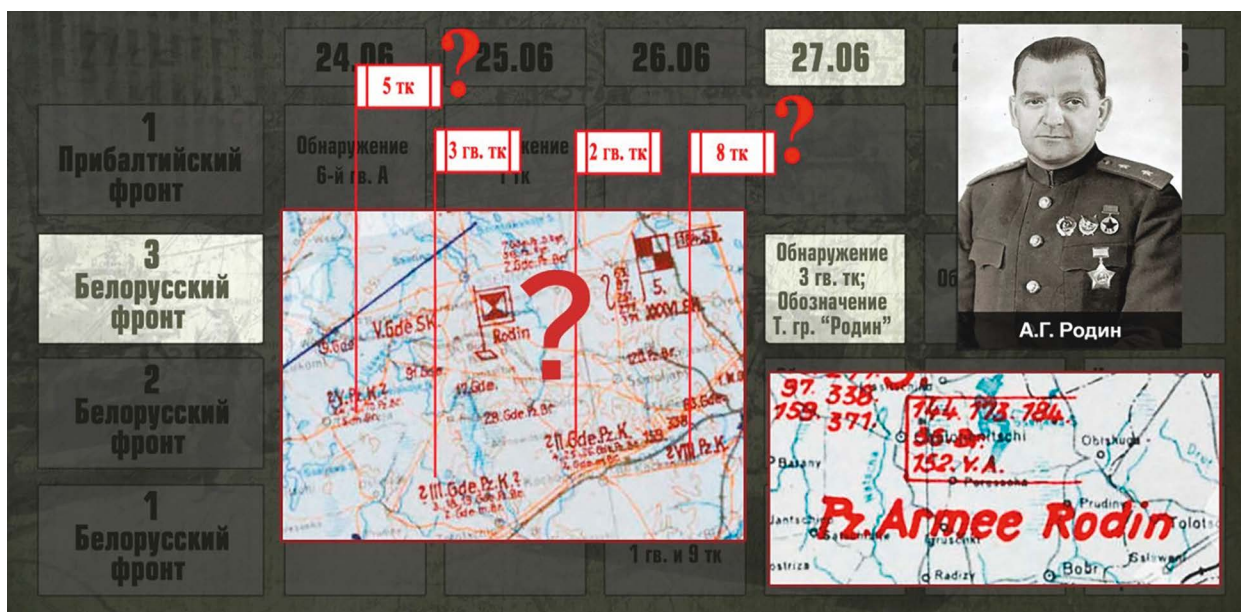
танковый корпус. Напрашивается предположение, что этим формированием мог быть 3-й гвардейский механизированный корпус, который насчитывал 170 танков. Соединение генерала В.Т. Обухова, идентифицированное только 28 июня, состояло из так называемых ленд-лизовских танков. 5-й танковый корпус также имел на вооружении американскую технику, хотя в основном танковый парк был представлен отечественными Т-34.

Обращает на себя внимание и появление на карте генерального штаба ОКХ от 27 июня 1944 некой «танковой группы» «Родин». Интересно, что знак «песочные часы» обозначает штаб корпуса, однако обрамление свидетельствует именно о «группе». В штабе группы армий «Центр» данное формирование было названо «танковая армия Родин» (карта от 25 июня 1944 г.)¹ (ил. 10). Генерал Алексей Григорьевич Родин командовал

¹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12455. Д. 1703.

	24.06	25.06	26.06	27.06	28.06	29.06
1 Прибалтийский фронт	Обнаружение 6-й гв. А	Обнаружение 1 тк				
3 Белорусский фронт	Обозначение 8 тк		31 А на фланге; обозначение 2 гв. тк	Обнаружение 3 гв. тк; Обозначение Т. гр. "Родин"	Обнаружение 3 гв. мк	
2 Белорусский фронт		Обнаружение ударной группировки 49 А		Обнаружение неизвестного танкового корпуса		Исчезновение неизвестного танкового корпуса
1 Белорусский фронт			Обнаружение 1 гв. и 9 тк	Обнаружение 1 мк		Обнаружение 28 А; Обозначение Т. гр. "Волков"

Ил. 9. Изменения состава 1-го Прибалтийского, 3-го, 2-го и 1-го Белорусских фронтов на картах оперативного управления генерального штаба сухопутных войск вермахта и оперативного отдела группы армий «Центр» за 23–29.06.1944 г.

Ил. 10. Обозначения танковых сил 3-го Белорусского фронта на картах оперативного управления генерального штаба сухопутных войск вермахта и оперативного отдела группы армий «Центр» за 27.06.1944 г.

танковой армией в 1943 г., в том числе в Курской битве, но с сентября находился на должности командующего бронетанковыми и механизированными войсками Западного фронта, переформированного большей частью в 3-й Белорусский фронт.

Таким образом, определённая логика в наименовании танковой армады оперативно-стратегического объединения И.Д. Черняховского имелась.

Завершая обзор изменений на немецких картах в полосе наступления 3-го Бе-

лорусского фронта, отметим следующий любопытный факт. На карте генерального штаба ОКХ от 21 июня 1944 г.¹, т.е. накануне осуществлённой тремя фронтами разведки боем, как было указано выше, 11-я гвардейская армия оказалась не идентифицированной и располагалась вдали от переднего края. При этом карта штаба ГА «Центр» за тот же день отражала расположение 5-й, 11-й гвардейской и 31-й армий в соответствии с действительностью² (см. ил. 4). Логично было предположить, что на карте ОКХ за следующий день армии 3-го Белорусского фронта должны располагаться в соответствии с актуализированными данными штаба ГА «Центр», однако за исключением идентификации 11-й гвардейской армии изменений в оперативном построении объединений фронта не произошло: армия генерала К.Н. Галицкого располагалась на фланге, а армия генерала В.В. Глаголева – где-то в тылу, едва ли не на тактической глубине. Актуальные сведения о построении войск общевойсковых армий 3-го Белорусского фронта в генеральном штабе ОКХ оказались только 26 июня³, о чём свидетельствует карта от 25 июня⁴.

Ударную группировку 2-го Белорусского фронта (далее – 2 БФ) немцы отобразили на карте ГА «Центр» от 25 июня⁵. При этом точно была отмечена 43-я гвардейская танковая бригада, подчинённая на непродолжительный срок 70-му стрелковому корпусу, который обозначен юж-

Ил. 11. Обозначение неизвестного танкового корпуса в полосе наступления 2-го Белорусского фронта на карте оперативного отдела группы армий «Центр» за 27.06.1944 г.

нее. Через два дня к северу от Могилёва противник отметил присутствие «одного» танкового корпуса⁶ (ил. 11). Как известно, у генерала Г.Ф. Захарова крупных танковых соединений не имелось. На отчётной карте 2 БФ, охватывающей период проведения Могилёвской операции, к северу от областного центра обозначена, как и следовало предполагать, подвижная группа⁷ (ил. 12). Фронты и армии, не располагавшие крупными танковыми соединениями, собирали из большей части подвижных формирований данный элемент оперативного построения. В 49-й армии 2 БФ имелись две танковые бригады, танковый полк и семь самоходных артилле-

¹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12457(1). Д. 1092.

² Там же. Оп. 12455. Д. 1702.

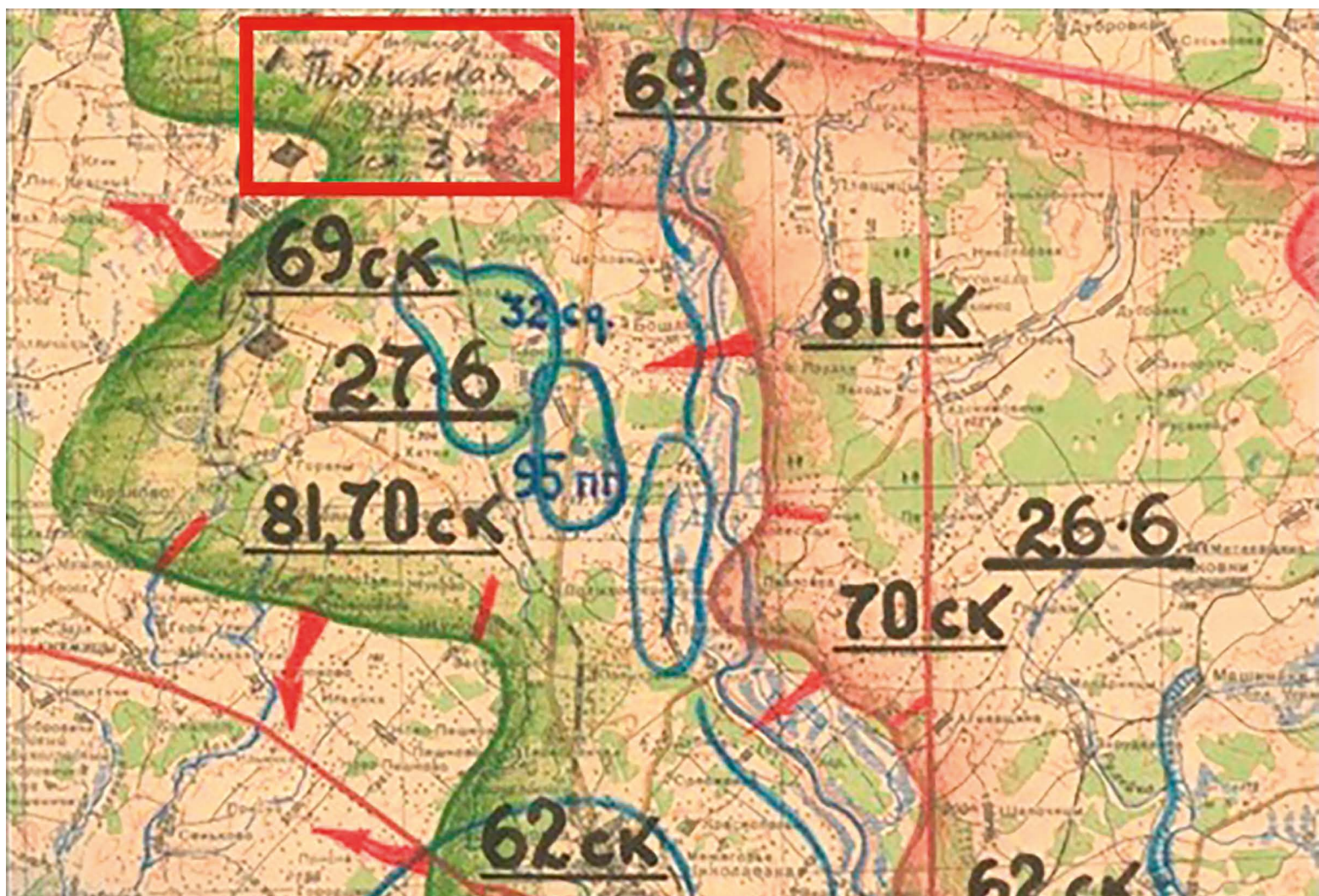
³ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12457(1). Д. 1097.

⁴ Там же. Д. 1096.

⁵ Там же. Оп. 12455. Д. 1703.

⁶ Там же. Оп. 12457(1). Д. 1098.

⁷ ЦАМО. Ф. 46. Оп. 2394. Д. 869.

Ил. 12. Фрагмент карты боевых действий 2-го Белорусского фронта за период с 23 по 28 июня 1944 г. с обозначением подвижной группы

рийских полков. Эти силы, действовавшие в одном районе, и были приняты за танковый корпус. Его обозначение пропало на немецкой карте от 29 июня, т.е. на следующий день после завершения первой операции 2 БФ¹.

Крупные танковые соединения правого крыла 1-го Белорусского фронта на немецких картах впервые были обозначены лишь на третий день операции, в то время, когда передовые части 1-го гвардейского и 9-го танковых корпусов находились

в непосредственной близости от Бобруйска, двигаясь с юга и востока соответственно и охватывая вражескую бобруйскую группировку². На следующий день на карту ОКХ впервые было нанесено обозначение 1-го механизированного корпуса, входившего в конно-механизированную группу генерал-лейтенанта И.А. Плиева³. Отметим, что 4-й гвардейский кавалерийский корпус на первом этапе операции «Багратион» так и не был опознан противником: в районах действий советских конников немецкие

¹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12457(1). Д. 1100.

² Там же. Д. 1097.

³ Там же. Д. 1098.

штабные офицеры на картах ставили вопросительные знаки.

В день завершения Бобруйской операции 29 июня немцы впервые обозначили 28-ю армию¹. Мы видим условный знак штаба армии, но при этом на карте отсутствуют управления стрелковых корпусов. Одновременно появилось обозначение неизвестной «танковой группы» «Волков», условный знак которой будет наноситься в течение всех оставшихся дней первого периода операции «Багратион». В отличие от «танковой группы» «Родин» происхождение этого наименования остаётся загадкой, но можно сделать два предположения.

Единственным генералом танковых войск в тот период по фамилии «Волков» являлся Михаил Васильевич Волков — с 1942 г. бессменный командир 5-го механизированного корпуса (в сентябре 1944 г. преобразован в 9-й гвардейский), летом 1944 г. входившего в 6-ю танковую армию 2-го Украинского фронта. При этом следует отметить, что в 1943 г. данное соединение действовало в составе Западного фронта, приняв участие в Смоленско-Рославльской операции, следовательно, вступало в боестолкновения с формированиями группы армий «Центр». Среди командиров бронетанковых и механизированных частей — представителей старшего офицерского состава, действовавших в районе, где была обозначена группа «Волков», следует вы-

делить командира 354-го гвардейского тяжёлого самоходно-артиллерийского полка (подчинённого 65-й армии) подполковника Г.В. Волкова.

Подводя итог, отметим самый масштабный провал германской разведки за всю Вторую мировую войну. Карты свидетельствуют, что немцы не обнаружили или обнаружили слишком поздно три общевойсковые армии (включая две гвардейские), одну танковую армию, одну воздушную армию, три танковых, два механизированных и два кавалерийских корпуса, не говоря об артиллерийских средствах усиления. Германское командование не заметило прибытия новых фронтовых командующих, в том числе и такого молодого перспективного полководца, как И.Д. Черняховский. Карты, отражающие обстановку за первую неделю операции «Багратион», — беспристрастные свидетели паники, царившей и в штабе группы армий «Центр», и в генеральном штабе сухопутных войск вермахта. Многочисленные вопросительные знаки красного цвета, неверная идентификация соединений и даже объединений, обозначение несуществующих формирований, включая «танковые группы» с присвоением имён военачальников, — всё это наглядная констатация факта самого крупного достижения Красной армии в противостоянии сильнейшему врагу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чистяков И.М. Служим Отчизне. М.: Воениздат, 1985. С. 199.
2. Галицкий К.Н. Годы суровых испытаний. 1941–1944: Записки командующего армией. М.: Наука, 1973.
3. Руденко С.И. Крылья Победы. М.: Международные отношения. 1985. С. 196.

¹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12457(1). Д. 1100.

Bagration Operation: the Cartographic Mark

Artyom Igorevich Domnin — Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Research Center for the History of the Great Patriotic War at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: hartwood@yandex.ru

In the spring-summer of 1944, when the Belarusian strategic offensive operation was under preparation, the Soviet command implemented a range of camouflage and misinformation measures. The overall result was a complete misinformation of the enemy about a powerful attack being prepared on the central section of the Soviet-German front. This fact was covered in detail in the memoirs of military commanders and in respectable writings of historians. However, such an important source as cartographic materials, primarily headquarters maps produced during military operations, has been unjustly neglected. The key sources for this paper were German maps, which showed not only the position of the German troops, but also the formations and alliances of the Red Army as seen by the German headquarters. Soviet front maps were included in the paper as a comparison with the real situation. All of these evidence the effectiveness of the Soviet intelligence in misinforming the enemy and the front commanders in implementing the camouflage of the strike groups.

Keywords: military maps, German intelligence mistakes, field camouflage, assessment of forces, Operation Bagration

REFERENCES

1. Chistyakov I.M. Sluzhim Otchizne. M.: Voenizdat, 1985. S. 199 (in Russian).
2. Galitskii K.N. Gody surovyykh ispytaniy. 1941–1944: Zapiski komanduyushchego armiei. M.: Nauka, 1973 (in Russian).
3. Rudenko S.I. Kryl'ya Pobedy. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya. 1985. S. 196 (in Russian).